

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ.

ЛОЛО.

# Отчего я бываю въ кино?

(Письмо изъ Монте-Карло.)

## Володя и Митя.

О Володѣ, въ рассказѣ, посвящемъ именно это заглавіе, повѣдалъ намъ Чеховъ, что онъ семнадцатилѣтній юноша, не выдержавъ сознанія своей пошлости и пошлости той женщины, которая подарила ему свои ласки, — не выдержалъ и застрѣлился. То нечистое, что въ него проникло, наполнило его острымъ стыдомъ, — еще болѣе острымъ, чѣмъ то физическое наслажденіе, которое онъ испыталъ отъ женщины и которое мгновенно исчезло, оставивъ послѣ себя горькій осадокъ отвращенія и разочарованія.

Володя понималъ, что пошлостью и стыдомъ не ограничивается живая дѣйствительность: онъ видѣлъ солнечный свѣтъ и слышалъ звуки свирѣли; солнце и свирѣль говорили ему, что «гдѣ-то на этомъ свѣтѣ есть жизнь чистая, изящная, поэтическая, — но гдѣ она?» Володѣ вспомнился Биаррицъ, гдѣ онъ когда-то жилъ, и двѣ дѣвочки-англичанки, съ которыми онъ бѣгалъ тамъ по песку. И тѣ же дѣвочки, олицетвореніе всего чистаго и прекраснаго, чему онъ, оксверженный, измѣнилъ, вѣроятно, пропеселось въ его угасавшемъ воображеніи, когда онъ спустилъ курокъ револьвера и полетѣлъ въ какую-то «очень темную, глубокую пропасть».

Это — Чеховъ о Володѣ.

А Бунинъ только что рассказалъ объ его сверстникѣ Митѣ. Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ журнала «Современныя Записки» напечатаны его романъ «Митина любовь». И читая о Митѣ, вспоминаешь Володю.

Митя тоже любилъ — любилъ Катю, ученицу театральнаго школы, и будущая актриса, любимица директора, уже отравленная ядомъ сценической пошлости, отвѣчала ему взаимностью, но какъ-то странно и неполно: будто для другаго берега она себя, и въ юную любовь вторглось нѣчто нечистое. Передъ сдержаннымъ изображеніемъ этого отъѣтна нечистоты не останавливается авторъ: не только то описываетъ онъ, какъ перлаутровое колѣно и дѣвственную грудь дѣвочки цѣловалъ Митя, но и то, какъ первую любовь юноши сразили и оскорбили неожиданно опытный и развращенный прикосновеніи Кати; и вообще — «они съ Катей еще не переступили послѣдней черты близости хотя позволяли себѣ въ тѣ часы, когда оставались одни, слишкомъ многое».

И любовь Мити своею черной тѣнью покрывало то «чудовище съ зелеными глазами», въ страшномъ видѣ котораго представлялъ себѣ Шекспиръ ревность. Митина ревность изъ многихъ чувствъ состояла, и самое ужасное изъ нихъ было то, что тѣ самыя проявленія страсти, которыя были такъ

Отчего я бываю въ кино?  
Тамъ уютно, прохладно, темно.  
Тамъ подъ звуки фокстрота предательство, —  
Въ темпѣ вальса идетъ надувательство,  
И не страшнѣ мучительный сонъ:  
Къ эпизоду разсѣется онъ.  
Въ первой части — разлука, отчаянье,  
Умираетъ «она» отъ раскаянья.  
Во второй — злыхъ враговъ торжество:  
Негодяи убиваютъ «его».  
Въ третьей — въ поискахъ оба влюбленные,  
И въ четвертой — борьбой утомленные,  
Вдругъ другъ друга находятъ они.  
Въ пятой — свадьба и пиръ для родни.  
А въ шестой — (это часто случается),  
Въ колыбели младенецъ качается.  
Ахъ, намъ нуженъ счастливый конецъ —  
Онъ бальзамъ для усталыхъ сердецъ.  
Да, экранъ не похожъ на дѣйствительность,  
На ея безсердечье, извѣстность,  
На тоску безнадѣжной борьбы,  
На слѣбые удары судьбы.  
На экранѣ — сперва неприятели,  
Неудачи, прегралы, превратности,  
Но къ концу все цвѣтеть и поетъ.  
Въ лѣтѣ жизни — обратный полетъ:  
Наше утро полно лучезарности,

День — съ какимъ то налетомъ вульгарности,  
Вечеръ — горше и злѣе врага.  
Ночь страшнѣе, чѣмъ Баба-Яга.  
Отчего я бываю въ кино?  
— Интереснѣй играть въ Казино, —  
Увѣряютъ «системъ» сочинители,  
Братья-бѣженцы, скромные жители  
И Ментоны, и Ниццы, и Капьи,  
Что попали въ монашескій капканъ.  
Я въ отвѣтъ: — Господа «систематки»,  
Я боюсь роковой математики. —  
Мнѣ не нуженъ презрѣнный азартъ:  
Вмигъ «накрутить» Фербенксъ милліардъ,  
А Шарло безъ серпа и безъ молота  
Предоставитъ мнѣ розсыпи золота.  
На экранѣ въ назначенный срокъ  
Будетъ строго наказанъ порокъ,  
И очутимся мы, какъ свидѣтели,  
На триумфъ святой добродѣтели.  
Я привѣтствую милый экранъ,  
Онъ врачуетъ отъ тягостныхъ ранъ,  
Поклопясь «Нѣмому» столику,  
Преданъ я Молчаливо великому,  
Нѣю забвенья хмѣльное вино...  
Оттого я бываю въ кино.  
Монте-Карло, июль 1925 г.

ЛОЛО.

блаженны и сладостны, были выше и прекраснѣе всего на свѣтѣ. Въ примѣненіи къ нимъ, Митѣ и Катѣ, — они же казались и становились нескаланно мерзкими и даже противоестественными, когда Митя думалъ о Катѣ и о другомъ мужикѣ. «Тогда Катя возбуждала въ немъ острую ненависть и отвращеніе, отвращеніе даже тѣлесное».

Въ истинной любви тѣлесное неразрывно сливается съ душевнымъ. Въ истинной любви уже одно не отличается отъ другаго. Какъ давно выразился Михайловскій, любовь имѣетъ физиологическія корни и психологическія цвѣты. Одна изъ трагедій любви начинается тамъ, гдѣ происходитъ разлука и разобщеніе между физиологіей и психологіей.

Такъ было въ случаѣ съ Володей, такъ было и въ случаѣ съ Митей.

Плмученный своей странной любовью, Митя рѣшилъ, наконецъ, дать себѣ отдыхъ и уѣхалъ въ деревню. Его нацѣлствовалъ пріятель Протасовъ, человекъ трезваго и положительнаго образа мыслей; тоскующаго Митю утѣшалъ онъ: «пора бы попятъ, что Катя есть, прежде всего, типичнѣйшее женское естество и что самъ полицеймейстеръ ничего съ этимъ не подѣлаетъ... Свѣтъ не лькомъ шить, не клиномъ на Катѣ сошелся».

Въ деревнѣ, гдѣ не подучалось отъ Кати писемъ, гдѣ думу Мити гнело и томилъ его молчаніе, гдѣ изнывало его крѣпкое молодое тѣло, такъ именно и произошло, что клинъ Кати Митя попробовалъ вышибить клиномъ Аленки, другой жен-

щины, «податливой крестьянки», свою любовь отдавшей юношѣ за пять рублей...

Неумолимо рисуетъ Бунинъ сцену этой элементарной, этой грубой любви — и то, какъ Митя поднялся совершенно пораженнымъ разочарованіемъ и то, какъ Алена, «перекрывая платокъ, поправляя волосы, спросила оживленнымъ шепотомъ, уже какъ близкій человекъ, какъ любовница: «вы, говорятъ, въ Субботино ѣздили; тамъ пощѣ дешево поросать продаютъ: правда?»

Подъ удивительнымъ перомъ Бунина все это принимается такой видъ, что становится почти страшно; и переходъ отъ объятій къ разговорѣ о поросятахъ, выдержанный въ тонахъ самаго убѣдительнаго реализма, самаго непоколебимаго правдоподобія, и все, что этому переходу предшествовало, и самый образъ молодой крестьянки — все это способно вдребезги разбить романтику любви, легенду о любви, все это способно въ инныхъ глазахъ совершенно уничтожить обаяніе Ромео и Джульетты.

«Митина любовь» компрометируетъ любовь вообще; «Митина любовь» соблазняетъ къ атеизму въ любви.

Но вѣдь не приснились Володѣ двѣ дѣвочки-англичанки, съ которыми онъ бѣгалъ по морскому песку Биаррица, тѣ чистыя дѣвочки, которыя вѣстѣ съ солнечнымъ свѣтомъ и свирѣлю, въ общей симфоніи свѣта и звука, говорятъ о томъ, что есть же гдѣ-то «жизнь чистая, изящная, поэтическая... гдѣ она? Да, гдѣ она?»

Этой поэтической жизнью не дано было жить чеховскому Володѣ; и ею же не дано было жить

бунинскому Митѣ. Послѣ своей любви съ Аленкой на сырой солодѣ въ шалашѣ, онъ получилъ, наконецъ, письмо отъ Кати — какое письмо... «Не помните лихоты, забудьте все, что было! Я дурная, я гадкая, испорченная, я недостойная васъ, не я безумно люблю искусство! Я рѣшилась, жребій брошенъ, я уѣзжаю — вы знаете, съ кѣмъ... Не пиши мнѣ ничего, это бесполезно».

Митя въ самомъ дѣлѣ зналъ, съ кѣмъ она уѣзжаетъ: съ директоромъ театральнаго школы, самодовольнымъ бритымъ актеромъ, который, какъ было извѣстно, развращалъ своихъ ученицъ и каждое лѣто увозилъ какую-нибудь съ собою на Кавказъ, въ Финляндію, за границу.

И съ необычайной художественной смѣлостью, оказываясь тѣмъ побѣдителемъ, котораго не судить, воспроизводитъ передъ нами Бунинъ то кошмарное, то эротическое свидѣніе, которое пригрезилось его герою, отъ письма Кати, отъ всего пережитаго, впаавшему въ летаргическое опѣяніе. Въ спутанности сна — кто это: Катя Аленка? Эта молодая женщина въ шелковой желтой нижней юбкѣ, съ обнаженными плечами и обнаженной млечно-голубой грудью? И въ комнату — снится Митѣ — входитъ господинъ въ смокингѣ, съ безгрознымъ бритымъ лицомъ; и голыми руками охватываетъ его шею молодая женщина, и бритый господинъ снисходительно обнявъ ее за талию...

Когда очнулся Митя, весь въ поту, съ потрясающе яснымъ сознаніемъ, что онъ погибъ, что въ мірѣ чудовишно безнадежно и мрачно, то всего пестеримѣе и ужаснѣе показалось ему именно эта «чудовищная противостоительность» человеческого соединенія съ женщиной: какъ будто и онъ только что съ бритымъ господиномъ раздѣлил это соединеніе...

И попялъ Митя, что нечѣмъ спасти ему и Катѣ ихъ прежней прекрасной любви, что некуда ему, кромѣ какъ въ смерть, уйти отъ своей невыносимой боли и отъ того самаго ужаснаго и отвратнаго изъ всѣхъ земныхъ оцнѣ, какой онъ только что видѣлъ, — онъ попялъ это, отодвинулъ ящикъ ночнаго столика, «поймалъ холодный и тяжелый комъ револьвера и, глубоко и радостно вздрогнувъ, раскрылъ ротъ и съ силой, съ наслажденіемъ выстрѣлилъ».

Такъ два большіе писателя, Чеховъ и Бунинъ, показали намъ двѣ сходныя карьеры, начертали обаяніе двухъ юношей-самоубійцъ. Послѣ Чехова съ новой силой заставляетъ Бунина задуматься надъ роковой задачей любви и надъ такой же роковой разобщенностью, надъ несолидарностью тѣла и души. И Катя съ ея «порочной опытностью», и къ той же опытности, приобщившіеся недавно невинныя Володя и Митя — никто изъ нихъ не выдержалъ испытанія, какое людямъ предъявляетъ любовь. Но Катя, развращенная, будетъ жить; Володя и Митя предпochли умереть: кто же выбралъ изъ нихъ долю благу? Вѣсьмъ тронимъ — наша жалость и скорбь; но ниже склоняешь голову передъ этими ранними жертвами безпощадной любви — передъ двумя русскими юношами, передъ Володей и Митей...

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ.

ВАС. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

## Въ царствѣ мертвыхъ.

(Заупокойнымъ воспоминаніямъ.)

Позади — сплошное кладбище. Оглянешься — и весь длинный, пройденный путь точно верстовыми столбами намѣченъ — могильными крестами. Какъ много ихъ, давно забытыхъ, рухнувшихъ въ буйно разросшіеся лопухи. Къ самымъ тропинкамъ заросли къ давно схороненнымъ «властителямъ думъ».

Только въ сумеречные вечера и безсонныя ночи Богъ вѣстъ изъ какихъ далей, призрачными тѣнями сходится старые друзья дѣлать свое скудное одиночество. А ближе свѣжія насыпи. Въ ухахъ не погасла «вѣчная память» и шорохъ земли по крышкѣ опущеннаго гроба. Еще вчера бойцы, сильные, смѣлые, которыхъ не било съ ногъ даже мучительное бѣженство, — сегодня неожиданно сползаютъ въ послѣднія ямы.

И пусть бы это были выгорѣвшія души, которымъ некому и нечѣмъ свѣтить. Смерть куда легче бездѣльнаго, никемнаго скитанія по чужимъ задворкамъ. Нѣтъ, валется настоящая бойца.

Постому безконечная печаль охватываетъ передъ новою могилою, въ которой засыпаютъ испытаннаго и смѣлаго бойца. И такимъ сожженъ надвѣхъ въ парижскомъ крематоріумѣ мой давній другъ, съ которымъ мы, не покладая рукъ, работали безъ малаго двадцать лѣтъ. Я говорю о Григоріи Спиридоновичѣ Петровѣ, еще недавно одномъ изъ самыхъ популярныхъ ораторовъ общественной трибуны и печати.

Наше знакомство началось въ 1904 году. Я хорошо помню этотъ тусклый и сырой день петербургской весны. Шелъ свѣтъ. На душѣ было еще мрачнѣе. Манчжурская война только еще начиналась. По всѣмъ почти газетамъ раскатывалось объ явнѣе «громъ победы раздавайся».

Удобный росягъ веселился, заранѣе хороня таинственную для него далекую страну макаровъ. Въ Тибетъ и Мото загога, предусмотрительно намѣчалъ генералъ-губернаторы и на предупреждающѣе голоса осторожныхъ и знающихъ людей — пламенные головопаты отвѣчали обвиненіями въ измѣнѣ. Даже на первыхъ порахъ цитировали Гер-

Океана... Помню свою встрѣчу съ Владиміромъ Галактионовичемъ Короленко, залогомъ передъ тѣмъ. Еще только что пріѣхалъ въ Петербургъ отъ Микадо.

— Непременнѣ поѣжайте на Востокъ. Ваше мѣсто тамъ... Начинаются великіе дни!...

— Скверные, изъ-за концессій на Ялу, — замѣтилъ бывший тутъ же С. А. Венгеровъ.

— Тутъ не одиѣ концессіи. Концессіи — обычная хищническая подлость. Надо смотрѣть дальше. Дѣло идетъ о нашемъ сдвигѣ въ Азію. Насъ туда толкаетъ Германия. Ей некуда въ Европѣ раздвинуть локти. Назрѣваютъ историческія катаклизмы, когда достаточно какого-нибудь пункта — глупаго выстрѣла пылаго пограничника, чтобы сельские народы кипулись, куда имъ до тѣхъ поръ и не грезилося.

Я предчувствую войну. Никому она не нужна. Есть въ исторіи вѣнчатый законъ, вы его называете мистическимъ. Не нужна — а всѣ идутъ на нее. Это вѣдъ разумной логики. Мой и вашъ разумъ не понимаютъ, не хотятъ этого, а собирательное массовое безуміе толкаетъ одинъ миллионъ людей на другіе. Мы должны кричать «берегитесь», и кричимъ, а насъ никто не слышитъ. А если бы и услышали, все равно — на поворотѣ несутся во всю прыть.

Я вотъ вчера читалъ: колониальная война. Пустиакъ — да! А вѣдь колониальная война въ Мексикѣ — уничтожила императорскую Францію черезъ много лѣтъ въ 1870-мъ. А у насъ эта колониальная война — только, можетъ быть, первый пророческій набатъ такихъ событий, роковую силу которыхъ мы и предвидѣть не можемъ. Пока Майковскою тройкой молодой ямщикъ правилъ, она неслась и неслась впередъ на волюный просторъ. Ну а съ тѣхъ поръ ямщикъ постарѣлъ и куда онъ повернулъ, кто знаетъ? Упрѣлъ, плохо видѣть, какъ бы съ обрыва не ухнулъ. Вамъ слѣдуетъ непременно быть на востокъ. Вы сумеете рассказать, что тамъ будетъ дѣлаться. По официальнымъ реляціямъ ничего вѣдъ не узнаете. Вы намъ поможете разбраться въ грозы. «Наканунѣ». Событія шли быстро. Не помню, сколько прошло

времени, я послѣ этого написалъ А. Н. Куропаткину.

Онъ уже получилъ назначеніе на Востокъ.

Вѣсто отвѣта онъ самъ захалъ ко мнѣ. Я зналъ его съ турецкой войны 1877 г., когда подъ Плевной мы жили съ нимъ нѣкоторое время въ одной землянкѣ. Потомъ онъ звалъ меня въ Туркестанъ, но туда я къ нему никакъ попасть не могъ. Тянуло въ другія ширь и дали.

Меня въ это свиданіе поразила его, я бы сказалъ, «угнетенная озабоченность».

Онъ на «колониальную» войну смотрѣлъ иначе, чѣмъ она представлялась Царскому Селу.

— Дѣло трудное. Тутъ не понимаютъ. Война кажется легкой. Нѣтъ, это будетъ настоящая. И она потребуетъ отъ Россіи великихъ жертвъ. Понадобится много терпѣнія, твердости и вѣры въ конечный успѣхъ. Передъ нами серьезный противникъ, котораго «шанками не закидаешь». Чертя голову, бросаемся въ авантюру.

— Отчего же вы не предупредите?

— Говорилъ и не разъ... Тамъ только улаживаются. Третьяго дня великій князь Владиміръ даже замѣтилъ: «Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Это мнѣ — настоящему боевому офицеру... А государь на это: Алексѣю Николаевичу подобны боевыя позиціи: тамъ онъ иначе будетъ себя чувствовать».

Мой старый недругъ Михаилъ Ивановичъ\*) пустилъ крылатое слово: а кто же при немъ будетъ Скобелевымъ?

Разумается, мы побѣдимъ, если сумѣемъ ждать, не теряться отъ неудачъ. Надо мною смѣются, что я въ Японію только рыбу ловилъ. Нѣтъ, я пристально присматривался къ нашему врагу. Мы не обращали на эти острога никакого вниманія, хотя Розенъ оттуда преупреждалъ насъ, что имперія Микадо давно готовится къ войнѣ.

Я на мѣстѣ узналъ: она уже четверть вѣка наздалъ предвидѣла неизбежность войны. Японцы умѣютъ скрывать свои намѣренія и планы. Они до малѣйшихъ подробностей изучили нашу турецкую войну и тактику Скобелева, которую мы хорошо забыли... И потомъ вѣдь они съ Манчуріей и Квантунгомъ ближайшіе сосѣди... А мы?

— И еще: солдатъ у насъ сѣтелся почти такой же, какъ и былъ. Не совѣмъ, а почти. И молодые офицеры прѣсхождые... До командующихъ. Еще полковники встрѣчаются отличные, но генераловъ можетъ быть дастъ эта война, а го-

\*) Драгомировъ.

товыхъ у насъ нѣтъ. Это между нами: наши нѣкуда не годятся. Особенно тѣ, что на виду, здѣсь...

— Вѣдь были же они въ турецкую войну.

— И еще какіе! Теперь ихъ нѣтъ. Нынѣшніе — тѣ же чиповники... Въ лучшемъ случаѣ исполнителі. И только. Почну, вдохновенія боевого нѣтъ. Вѣдь это же видно каждому — насъ въ будущемъ ждетъ великая война, какой еще свѣтъ не видѣлъ. Франція окрыпла, а раны ея — Эльзасъ и Лотарингія сочатся. Не зажили. А съ другой стороны кайзеръ. Человѣкъ огромнаго честолюбія, дерзкой инициативы, но малыхъ способностей. И притомъ нетерпѣливый, желающій сейчасъ, какою-бы то ни было цѣною того, что черезъ двадцать пять лѣтъ само упадетъ въ руки Германіи... Надо, чтобы къ роковому часу у насъ были не только боевыя войска, но и хорошіе генералы... Я помню, у васъ читалъ: «Время великое, люди малые». Я бы иначе сказалъ: время роковое, а люди слѣбые...

— Я все-таки не понимаю, зачѣмъ вы согласились...

— Принять команду? Я прежде всего солдатъ. Разъ приказано — надо повиноваться. И потомъ я не растеряюсь отъ неизбежныхъ разочарованій. Я люблю трудныя задачи. Вы помните, какъ Скобелевъ — черезъ пески, самыя непроходимыя пустыни привелъ свой отрядъ въ Геонъ-Теле? Тогда и солдатъ былъ... Я сказалъ, что онъ такимъ остался... Но у того была боевая воля... Да, выигрываетъ тотъ, кто умѣетъ ожидать.

— Вы забыли Алексѣева? Онъ едва ли помнитъ съ вашимъ назначеніемъ туда.

— Мнѣ государь обѣщалъ довѣріе. Я предупредилъ, что мнѣ, можетъ быть, придется съ боемъ отступать чуть не до самаго плацдарма Харбина и Сунгари до тѣхъ поръ, когда японцы истощатъ свои силы, а у меня соберется свѣжая, полуторамилліонная армія...

Такъ оно и было...

Отступилъ онъ отступилъ до этого несравнимаго плацдарма, а когда у него собралась такая армія, главнокомандующимъ назначили Линевица и все рухнуло... Довѣріе, обѣщанное ему, оказалось на зачѣмъ мѣху.

Началась война.

Ни одна газета не предлагала мнѣ вѣхать туда.

Вполнѣдетвіи редакціи говорили:

— Мы васъ считали слишкомъ старымъ. Вы же въ 60 лѣтъ можете выполнить такую задачу!

И вотъ въ тусклый и сырой день, въ рововыя